

правительства того времени граф Н. П. Игнатьев доложил царю о госте Гюго, и, увидев, что царь польщен, но пока упорствует на пяти виселицах, сговорился с князем П. П. Демидовым Сан-Донатом⁵¹ заполучить через посредство парижских знакомых князя (в первую очередь через Жюльетту Ламбер, известную в литературном мире как «мадам Адам») личное письмо Гюго к царю.

Дальнейший ход событий корреспондент «New York Herald» описывал таким образом. «Сан-Донат уехал из Петербурга в четверг 11 марта и прибыл в Париж 14 марта, в воскресенье утром. 15-го он выехал в Россию с письмом от В. Гюго к Александру III, где Гюго просил царя о помиловании остальных пятерых осужденных. Александр III прочитал письмо Гюго и немедленно помиловал еще четверых, к общему изумлению окружавших (кроме Н. П. Игнатьева. — *Н. Т.*), которые ничего не знали о письме Гюго. Игнатьев и Сан-Донат надеялись спасти и пятого — Суханова. Они хотели просить у Александра III отмены смертной казни для Суханова перед самым ее совершением (19 марта), когда он стоял бы привязанным к позорному столбу. Но 17-го⁵² вечером было получено известие об убийстве Стрельникова в Одессе, и Игнатьев с Сан-Донатом... не считали более возможным хлопотать за Суханова»⁵³.

Письмо Виктора Гюго к Александру III не публиковалось и до сих пор не найдено. Было ли оно написано и не выдуман ли рассказ о нем в «New York Herald»? М. П. Алексеев предполагал, что, «быть может, свидетельства об этом найдутся в богатейшем архиве м-м Адам»⁵⁴. В нашем распоряжении есть свидетельство, которого не обнаружил М. П. Алексеев. Еженедельник русских эмигрантов «Вольное слово» в апреле 1882 г. сообщил, что рассказ корреспондента «New York Herald» о письме Гюго к Александру III перепечатала парижская газета «Le Rappel», которая была основана в 1869 г. сыновьями Гюго — Шарлем и Франсуа-Виктором — и считалась как бы органом Гюго-отца⁵⁵. Если ссылка на «Rappel» верна, то вопрос о том, писал ли Гюго царю, можно считать решенным, но репутация «Вольного слова» сомнительна⁵⁶, а проверить его ссылку по первоисточнику пока нет возможности: газета «Le Rappel» за 1882 г. в библиотеках СССР отсутствует.

Итак, из 10 осужденных на смерть по делу «20-ти» Александр III отказался оставить в живых только Е. Н. Суханова как офицера, изменившего присяге. Царь лишь заменил Суханову повешение более «приличным» видом казни — «расстреливанием». 31 марта Суханов был расстрелян. Остальных же девять смертников заточили навечно в Петропавловскую крепость. Трое из них (М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова, И. П. Емельянов) в конце концов вышли на свободу.

Наступил 1883 г. 19 января в Лионе французский суд, стараясь угодить царю⁵⁷, приговорил к пяти годам тюрьмы П. А. Кропоткина, который формально не принадлежал к «Народной воле», но был солидарен с народолюбцами, считал своей «святою обязанностью стоять за них и нести ответственность за их действия»⁵⁸, а в глазах царских властей являлся вдохновителем народолюбческого террора⁵⁹.

Осуждение Кропоткина, в то время уже всемирно известного мыслителя, ученого, писателя, вызвало взрыв протеста в кругах европейской интеллигенции. Выдающиеся деятели культуры Франции (Эрнест Ренан, Камиль Фламарион, Эдуард Пальерон) и Англии (Герберт Спенсер, Чарльз Суинберн, Джон Морли) выработали петицию с требованием освободить Кропоткина. Сам Кропоткин вспоминал, что к этой петиции «Виктор Гюго кроме подписи прибавил еще несколько красноречивых слов»⁶⁰. Каких именно? Это сообщил своей газете парижский корреспондент петербургского «Нового времени». Когда ученик и близкий друг Гюго Поль Мерис поднес своему учителю текст петиции, тот написал: «Все вопросы об амнистии интересуют меня, а это прошение об освобождении князя Кропоткина я в особенности принимаю близко к сердцу. Виктор Гюго»⁶¹.